

Этот рассказ предоставлен вам Ririro.com/ru бесплатно. Наша миссия - предоставить всем детям в мире бесплатный доступ к разнообразным сказкам. Эти сказки можно читать, скачивать и распечатывать онлайн, они охватывают широкий круг тем, включая животных, фантастику, науку, историю, различные культуры и многое другое. Поддержите нашу миссию, поделившись нашим сайтом. Желаем вам приятного чтения!

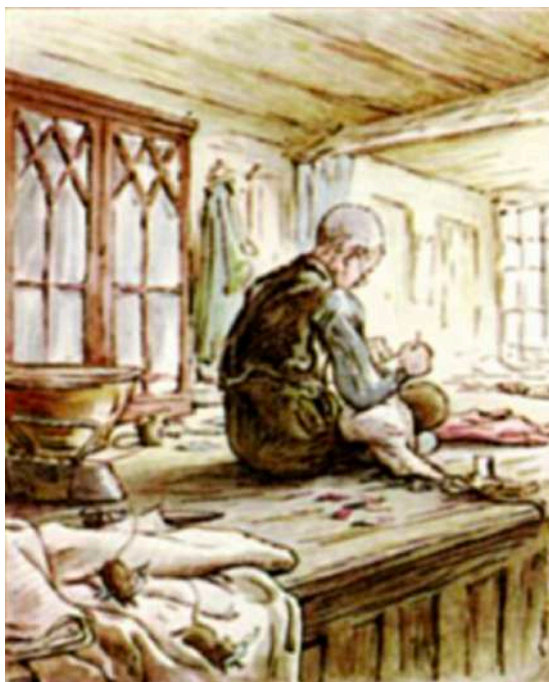
Ririro

ВООБРАЖЕНИЕ ВАЖНЕЕ ЗНАНИЯ

Ririro

Портной из Глостера

Во времена мечей, париков и камзолов с широкими полями и лацканами и цветочными ворсинками, когда джентльмены носили кружева и расшитые золотом жилеты из тафты, в Глостере жил портной.

Он сидел в окне маленькой лавки на Вестгейт стрит, скрестив ноги на столе, с утра до ночи.

Весь день, пока был свет, он шил и кроил, выкраивая атлас, помпадурсы и лютни; ткани имели странные названия и были очень дорогими во времена портного из Глостера.

Но хотя он шил для своих соседей из тонкого шелка, сам он был очень, очень

беден - маленький старичок в очках, со щепетильным лицом, старческими скрюченными пальцами и в одежде из ниток.

Он кроил свои пальто без отходов, в соответствии со своей вышитой тканью; это были очень маленькие концы и лоскутки, которые валялись на столе - "Слишком узкая ширина ни для чего, кроме жилетов для мышей", - говорил портной.

Однажды в холодный день перед Рождеством портной начал шить пальто - пальто из кордового шелка вишневого цвета, расшитого розами и анютиными глазками, и атласный жилет кремового цвета, отделанный марлей и зеленой камвольной синелью, - для мэра Глостера.

Портной работал и работал, разговаривая сам с собой. Он отмерял шелк, разворачивал его и обрезал ножницами по форме; стол был весь завален

лоскутками вишневого цвета.

"Совсем нет ширины, а
разрезан на крест; совсем
нет ширины; наколки для
мышей и ленты для толпы!
для мышей!" - говорил
портной Глостера.

Когда снежные хлопья
опустились на маленькие свинцовые оконные
стекла и закрыли свет, портной уже закончил
свою дневную работу; на столе лежали
раскроенные шелка и атлас.

На пальто ушло двенадцать кусков, на жилет -
четыре; и карманные клапаны, и манжеты, и
пуговицы были в полном порядке. Для
подкладки пальто была взята тонкая желтая
тафта, а для отверстий для
пуговиц жилета - вишневого
цвета нить. И все было
готово к утреннему
сшиванию, все отмерено и
достаточно - за
исключением того, что не
хватало одного-

единственного мотка
шелковой нити вишневого
цвета.

Портной вышел из своей
мастерской в ночь, потому
что по ночам он там не
ночевал; он запер окно, запер
дверь и забрал ключ. Никто
не живет там по ночам,

кроме маленьких коричневых мышей, а они
вбегают и выбегают без всяких ключей!

Ведь за деревянными обшивками всех старых
домов в Глостере есть маленькие мышиные
лесенки и потайные люки, и мыши бегают из
дома в дом по этим длинным узким переходам;
они могут пробежать весь город, не выходя на
улицу.

Но портной вышел из своей
мастерской и зашагал по
снегу домой. Он жил совсем
рядом, в Колледж-Корте,
рядом с Колледж-Грин; и
хотя дом был не очень
большой, портной был так

беден, что снимал только кухню.

Он жил один со своим котом по имени Симпкин.

И вот весь день, пока портной был на работе, Симпкин сидел дома один; а еще он очень любил мышей, хотя и не давал им атласа для пальто!

"Мяу?" - сказал кот, когда портной открыл дверь. "Мяу?"

Портной ответил: "Симпкин, мы заработаем богатство, но у меня нет ни гроша за душой. Возьми это (это наши последние четыре пенса) и, Симпкин, возьми, купи пенни хлеба, пенни молока и пенни колбасы. И о, Симпкин, на последний пенни из наших четырех пенсов купи мне шелка вишневого цвета.

Только не потеряй последний пенни из четырех пенсов, Симпкин, а то я совсем пропаду и превращусь в ничто, потому что у меня больше нет ни одной нитки".

Тогда Симпкин снова сказал:
"Мяу?", взял монеты и
вышел в темноту.

Портной очень устал и начал
болеть. Он сел у очага и
заговорил сам с собой о том
чудесном пальто.

"Мэр Глостера женится на
Рождество утром, и он
заказал пальто и вышитый жилет, которые
должны быть подшиты желтой тафтой, а тафты
достаточно; осталось не больше лоскутков, из
которых можно сделать наконечники для мышей
—"

Тут портной запнулся, потому что внезапно,
прерывая его, из комода на другом конце кухни
донеслось множество мелких звуков—

Тип-тап, тип-тап, тип-тап!

"Что это может быть?" -
спросил портной из Глостера,
вскакивая со стула. Комод
был заставлен посудой и
пипетками, тарелками с
ивовым узором, чайными
чашками и кружками.

Портной пересек кухню и замер рядом с комодом, прислушиваясь и разглядывая его сквозь очки. Снова из-под чайной чашки донеслись эти забавные звуки—

Тип-тап, тип-тап, тип-тап!

"Это очень необычно", -

сказал портной Глостера; он поднял перевернутую чайную чашку.

Из нее вышла маленькая живая мышка-норушка и сделала реверанс портному! Затем она спрыгнула с комода и ушла под портьеру.

Портной снова уселся у огня, грея озябшие руки и бормоча про себя—

"Жилет выкроен из атласа персикового цвета с тамбурным швом и бутонами роз из прекрасного шелка.

Разумно ли я поступил, доверив свои последние четыре пенса Симпкину?

Двадцать пуговиц из вишневого цвета!".

Но тут же из комода
донеслись другие звуки:
Тип-тап, тип-тап, тип-тап!
"Это что-то необыкновенное!"
- сказал портной из Глостера
и перевернул еще одну
чайную чашку, которая была
перевернута вверх дном.

Вышел маленький мышонок-джентльмен и
поклонился портному!
И тут со всех концов комода раздался хор
маленьких постукиваний, все они звучали вместе
и отвечали друг другу, как жуки в старых,
изъеденных червями оконных ставнях—
Тип-тап, тип-тап, тип-тап!
А из-под чайных чашек, из-под мисок и тазиков
выходили все новые и новые маленькие мышки,
которые прыгивали с комода
и из-под портьеры.

Портной сидел, прижавшись к
огню, и причитал: "Двадцать
пуговиц из шелка вишневого
цвета! Нужно было закончить к

полудню субботы, а сегодня вечер вторника. Правильно ли я поступил, выпустив на волю этих мышей, несомненно, принадлежащих Симпкину? Увы, я в затруднении, потому что у меня больше нет ни одной ниточки!"

Маленькие мышки снова вышли на улицу и слушали портного; они обратили внимание на узор этого чудесного пальто. Они шептались друг с другом о подкладке из тафты и о маленьких мышиных пинетках.

А потом они все вместе убежали по коридору за витражом, пищали и звали друг друга, перебегая из дома в дом; и ни одной мыши не осталось в кухне портного, когда Симпкин вернулся с молоком!

Симпкин открыл дверь и вскочил внутрь с сердитым "Г-р-р-мяу!", как рассерженный кот, потому что он ненавидел снег, и снег был у него в ушах,

и снег в воротнике на шее. Он положил батон и сосиски на комод и принюхался.

"Симпкин, - сказал портной, - где моя нитка?"

Но Симпкин поставил молоко на комод и с подозрением посмотрел на чайные чашки. Он хотел поужинать маленькой толстой мышкой!

"Симпкин, - сказал портной, - где моя нитка?"

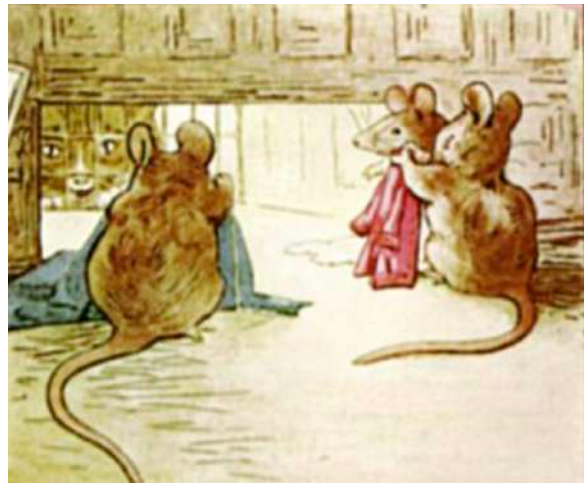
Но Симпкин спрятал маленькую посылку в чайник, плюнул и зарычал на портного; и если бы Симпкин умел говорить, он бы спросил: "Где моя мышь?"

"Увы, я провалился!" - сказал портной из Глостера и печально отправился спать.

Всю ту ночь Симпкин охотился и искал по всей кухне, заглядывал в шкафы, под карниз и в чайник, но так и не нашел ни одной мыши!

Каждый раз, когда портной бормотал и разговаривал во сне, Симпкин говорил: "Мяу-гер-р-ви-ш-ш-ш!" и издавал странные ужасные звуки, как это делают кошки по ночам.

Бедный старый портной
был очень болен
лихорадкой, он метался и
ворочался в своей
кровати на четырех
столбиках, и все еще во
сне он бормотал: "Больше
нет нитки, больше нет нитки!".

Весь тот день он был болен, и следующий день,
и следующий, и следующий; и что же стало с
пальто вишневого цвета? В мастерской портного
на Вестгейт-стрит шелк и атлас с вышивкой
лежали на столе - и двадцать отверстий для
пуговиц - и кто же придет их пришивать, когда
окно зарешечено, а дверь заперта?

Но это не мешает маленьким коричневым
мышам; они вбегают и выбегают без всяких
ключей из всех старых домов в Глостере!

На улице люди с рынка пробирались сквозь снег,
чтобы купить гусей и индеек и испечь
рождественские пироги; но для Симпкина и
бедного старого портного из Глостера
рождественского ужина не было.

Портной пролежал
больным три дня и ночь, а
потом наступила
рождественская ночь, и
очень поздняя. Луна
поднялась над крышами и
дымоходами и заглянула в
ворота Колледж-Корта. Ни огонька в окнах, ни
звука в домах; весь город Глостер крепко спал
под снегом.

А Симпкину все еще хотелось мышей, и он
мяукал, стоя у кровати на четырех столбиках.

Но в старой истории говорится, что все звери
могут разговаривать в ночь между
Рождественским вечером и Рождественским
утром (хотя мало кто может их услышать или
понять, что они говорят).

Когда соборные часы пробили двенадцать,
раздался ответ, словно эхо курантов, и Симпкин
услышал его, вышел из дверей портного и
побрел по снегу.

Со всех крыш, фронтонов и старых деревянных
домов Глостера доносились тысячи веселых
голосов, распевавших старые рождественские

стишки - все старые песни, о которых я когда-либо слышал, и некоторые, которых я не знаю, например, колокольчики Виттингтона.

Первыми и громче всех кричали петухи:

"Дамочки, вставайте и пеките пироги!".

"О, дилли, дилли, дилли!" - вздохнул Симпкин.

И вот в мансарде зажглись огни и раздались звуки танцев, а с дороги прибежали коты.

"Эй, дидл, дидл, кот и скрипка! Все коты в Глостере - кроме меня", - сказал Симпкин.

Под деревянными карнизами скворцы и воробьи пели о рождественских пирогах; на башне собора проснулись галки; и хотя была глубокая ночь, пели дрозды и малиновки; воздух был полон маленьких щебечущих мелодий.

Но все это очень раздражало бедного голодного Симпкина!

Особенно ему мешали
какие-то пронзительные
голоса из-за деревянной
решетки. Я думаю, что это
были летучие мыши, потому
что у них всегда очень
тоненькие голоса - особенно
в черный мороз, когда они
разговаривают во сне, как
портной из Глостера.

Они сказали что-то загадочное, что звучало как—
"Муха сказала Бзз, Пчёлка сказала Хмм,
Жужжат и гудят они, да и мы!"
и Симпкин ушел, тряся ушами, как будто у него
в чепце сидела пчела.

Из лавки портного в Вестгейте доносился свет;
когда Симпкин подкрался, чтобы заглянуть в
окно, оно было полно свечей. Слышалось
щелканье ножниц и щелканье ниток, и
маленькие мышинные голоса громко и задорно
пели—

" Шестнадцать портных собрались на охоту
Чтоб вместе улитку поймать
И самый отважный из них, самый важный,

Пытался ей хвост оторвать.
Но рожки литка достала,
Крутить ими весело стала.
Бегите, портные! Спасайтесь
портные!"

Затем без паузы голоса
маленьких мышат снова
зазвучали—

"Помогите моей леди
перебрать овсянку.

Помогите моей леди намолоть муку.

Замесите тесто, положите в место

Тёплое и тёмное в ореха скорлупу —"

"Мяу! Мяу! - прервал их песенку Симпкин и
стал скрестись в дверь. Но дверь была заперта,
а ключ лежал под подушкой портного и кот не
смог войти.

Мышки только рассмеялись и затянули новую
песню —

"Три маленькие мышки уселись шить сюртук
Бежала мимо кошка, увидела их вдруг.

О, как же вы прекрасны, серьёзны и милы!

И кто же научил вас шить для лордов сюртуки?

Покорнейше прошу вас, позвольте мне войти.

Я честно помогу вам ровнее
класть стежки!"

"Мяу! Мяу! - кричал
Симпкин. "Чего тебе надо,
кот?", отвечали мыши —
"Эй ты, домашний кот!
Знал ли ты, что скоро в
порт, приплывут суда с
купцами ;

Шёлк, сатин, парча с тафтой,
Бархат с золотой каймой!"

Они щелкали наперстками, чтобы отметить
время, но ни одна из песен не понравилась
Симпкину; он фыркал и мяукал у двери
мастерской.

"Котик в магазин ходил

И на пенни закупил

Ерунду и бантики,

Чепуху и фантики —

Всё на кухню притащил!" добавили маленькие
грубые мыши.

"Мяу! Царап! Царап!" - зашипел Симпкин на
подоконнике, а маленькие мышата внутри
вскочили на ноги и все вместе начали кричать
маленькими щебечущими голосами: "Нет больше

нити! Нет больше нитки!"
И они закрыли ставни на
окне и не пустили
Симпкина.

Но все равно сквозь щели в
ставнях он слышал
щелканье наперстков и
голоса маленьких мышат,
которые пели—

"Нет больше нитки! Нет больше нитки!"

Симпкин ушел из мастерской и отправился
домой, все обдумывая в уме. Он нашел бедного
старого портного без лихорадки, мирно спящим.
Тогда Симпкин встал на цыпочки и достал из
чайника маленький сверток шелка, посмотрел на
него при лунном свете, и ему стало стыдно, что
он такой плохой по сравнению с этими добрыми
мышами!

Когда портной проснулся утром, первое, что он
увидел на лоскутном одеяле, был моток шелка
вишневого цвета, а рядом с его кроватью стоял
раскаившийся Симпкин!

"Увы, я изношен до дыр, - сказал портной из
Глостера, - но у меня есть мои нитки!"

Солнце сияло на снегу, когда портной встал, оделся и вышел на улицу, а Симпкин бежал перед ним.

На трубах свистели скворцы, пели дрозды и малиновки - но они пели свои собственные звуки, а не слова, которые пели ночью.

"Увы, - сказал портной, - у меня есть моя нить, но ни сил, ни времени не хватит, чтобы сделать мне одну-единственную петлю для пуговицы; ведь сегодня Рождество! Мэр Глостера женится в полдень, а где же его пальто вишневого цвета?"

Он отпер дверь маленькой мастерской на Вестгейт стрит, и Симпкин вбежал внутрь, как кот, который чего-то ждет.

Но там никого не было! Даже маленькой коричневой мышки не было!

Доски были выметены, концы ниток и маленькие шелковые лоскутки убраны с пола.

Но на столе - о радость! портной вскрикнул - там, где он оставил ровные обрезки шелка, лежал самый красивый плащ и атласный жилет с вышивкой, которые когда-либо носил Мэр Глостера.

На подкладке пальто были розы и анютины глазки, а жилет был украшен маками и цветами кукурузы.

Все было готово, кроме одной-единственной петли для пуговицы вишневого цвета, и там, где эта петля отсутствовала, был приколот клочок бумаги с такими словами, написанными мелким-мелким почерком: "—

НЕТ БОЛЬШЕ НИТКИ

И с этого момента началась удача портного из Глостера; он стал совсем крепким и разбогател. Он сшил самые замечательные жилеты для всех богатых купцов Глостера и для всех прекрасных джентльменов в округе.

Никогда еще не видели таких оборок, таких вышитых манжет и лацканов! Но самым большим триумфом были его петли для пуговиц.

Швы на этих пуговицах были такими аккуратными, такими аккуратными, что я удивляюсь, как их мог пришить старик в очках, с кривыми старческими пальцами и портновским наперстком. Швы этих отверстий для пуговиц были такими маленькими, такими маленькими, что казалось, будто их сделали маленькие мышки!